

ЕСЛИ СЕГОДНЯ НЕ ПРЕМЬЕРА...

ВТОРОЙ сезон идет капитальная перестройка здания Театра оперы и балета имени Кирова. Ленинградцы разлучены со знакомым торжественным бархатно-кошковым залом, в труппе театра работают в трудных условиях, созданных отсутствием стационара.

Театр обосновался сейчас на Петроградской стороне, во Дворце культуры имени Лейкса. Освоение непривычной сценической обстановки, приспособление к новой акустике само по себе было нелегко. Повитно, что работу во многом пришлось перестроить. Изменялся даже внешний облик спектаклей: часть оркестра вынуждена помещаться в ложах, а дирижерам нелегко сохранять ровность звучания. Меньшая глубина сценической коробки не всегда позволяет точно выполнять поставленную инвентарную задачу; спектакль как бы «сплюсчивается», теряет объемность.

Особенно трудно приходится балетному цеху, где габариты сценического пространства и форма площадки приобретают решающее значение. Однако объективными трудностями нельзя оправдывать снижение качества рядового спектакля. А в повседневной работе балетного цеха сегодня есть ощутимые недостатки, которых могло не быть даже при существующих условиях.

Прежде всего — отсутствие должной требовательности к исполнителю. Частые гастролирующие поездки, а то и внезапная болезнь солиста вынуждают подчас к скоропалительным вводам. Бывает счастливое совпадение школы и индивидуальности данных танцовщика с воплощаемым образом, и в этих случаях ввод становится радостным событием, украшающим спектакль. Так было, например, с М. Барышниковым в «Дон Кихоте», с В. Ганибаловой в «Горняке». Но чаще введенный исполнитель показывает незавершенную работу, и это не только его вина.

Назначение на ту или иную партию производится порой без учета индивидуальности актера. А в тех случаях, когда упорной шлифовкой можно сгладить «точия несовместимости» исполнителя с образом, из-за недостатка времени или по другим причинам это не делается. Создается впечатление, что руководство труппы ставит знак равенства между техническими возможностями солиста и его умением сдаться тот или иной целостный образ-характер. Иногда чем объяснить, например, ввод Е. Щербачева на труднейшую роль Фархата в «Легенде о любви»? У танцовщика прекрасная фактура, хороший прыжок, но философия образа, требующего высокого актерского мастерства и громадной эмоциональности, ему пока явно не по плечу. Примерно то же самое с «Жизелью». Ни одна из многочисленных исполнительниц Жизели в последние годы (кроме И. Колпаковой) не добилась художественной равноценности обоих актов.

Танцевать приходится часто со случайными партнерами. Почему-то перевелись в Ленинграде слаженные балетные дуэты, составляющие единый художественный организм, какими были, например, в свое время Дудякская и Сергеев в которых так славится нынче московский балет. Партнеры встречаются на спектаклях от раза к разу, не успевая «станцеваться» и достигнуть полного творческого взаимопонимания. Теряя опору в исполнителях главных партий, расшатывается и весь ансамбль спектакля, и это основная претензия к театру.

«Звезды» балета в рядовых спектаклях выступают редко. Повитно, что они не могут образовать моно-

лита с молодыми силами. Если же и участвуют в спектакле крупные артистические величины, то особенно заметным становится разрыв между исполнительским уровнем солистов и кордебалета.

Кордебалет в классических спектаклях — полноценный, если не главный участник. Неточность мизансцены, нестройность пластического «хора» могут разрушить смысл, скажем, «Лебединого озера» или второго акта «Жизели». Чистота и синхронность кордебалетного танца издавна были традицией и гордостью Кировского театра, не раз отмечавшиеся зарубежной прессой. Сейчас положение иное. Знаменитые диагональные построения выглядят вяло, танцовщицы заевают одна другую, рисунок мизансцен разболтан. Кордебалет безучастен к сценическому действию; особенно недопустимо это в «Дон Кихоте». Сила и прелесть этого балета — в зажигательных, искрометных танцах, в восточной танцевальной стихии, которую несет в себе темпераментная испанская толпа вместе со своими любимцами Китри и Базилем. Но о каком празднике танца может идти речь, если Базиль, вместо того, чтобы ворваться, как вихрь, не спеша выбегает на сцену; если уличная танцовщица движется в замедленном темпе, а сопровождающая ее шестерка мужчин суетливо выстраивается в зыбкую, неуверенную линию?..

Один крупный дирижер справедливо говорил, что играть в оркестре — большая честь для музыканта. От каждого из них зависит, состоится ли сегодня чудо музыки или оно будет разрушено фальшью, неточностью, опозданием на долю секунды... Такая же честь и ответственность — быть артистом кордебалета. Почему же молодые танцовщицы, которым довелось исполнять одну или несколько сольных партий, уже считают зазорным для себя выступать в кордебалете? А ведь именно там вырабатываются ансамблевые и ритмические навыки.

Не будем фиксировать случайные выкладки, преждевременные уходы, «выбывания» из музыки и другие нарушения сценической дисциплины, хотя в такое бывает нередко. Чтобы дополнить картину рядового спектакля, коснемся монтажно-оформительских моментов. Придется опять напомнить о трудностях временных площадок. И все-таки, наверное, можно было бы сделать так, чтобы танцевальное появление Жизели из могилы не выглядело простым выходом из-за кулис. Можно было бы освежить обветшавшие декорации «Бахчисарайского фонтана». Можно починить незагорающиеся факелы в «Легенде о любви».

Год назад в том же многострадальном «Дон Кихоте» декорации Каровина были заменены оформлением И. Севстьянова. При этом сохранены кое-какие детали каровинских декораций, не сочетающиеся с новой монтажной. В результате арпало целостное декорационное и цветовое решение, общий облик спектакля выглядит разностильным.

Не за горами возвращение на Театральную площадь, в родной дом с привычной сценой. Он стал еще ярче и торжественнее. Говорят, дома и стены помогают. Только не забудем, что где бы ни танцевать — на Петроградской стороне или на Театральной площади, в любом месте нашей страны или за рубежом — ленинградский балет остается частью советского Большого Балета.

А. ВЛАДИМИРСКАЯ